

Э.Л. Дубман*, П.С. Кабытов**

О ЖИЗНИ И О СЕБЕ...

Эдуард Львович, 1-го апреля у вас юбилейная дата. Есть повод поговорить о вас. Кажется, у Юлии Друниной есть фраза «Все мы родом из детства». Расскажите немного о своем детстве, о ваших родителях, как они оказались в Самаре?

- Так случилось, что история нашей семьи началась с войны. Мои родители — беженцы из Белоруссии, из Витебской области. В советское время была широко известна документальная повесть белорусских писателей «Я из огненной деревни». Одно из 600 селений, упоминаемых в ней, Слобода, где уничтожили всех близких моих родителей.

- Они погибли в результате военных действий?

- Нет! Там было всё гораздо трагичнее. Когда немцы оккупировали эту территорию, началось партизанское движение. Оккупанты боролись и с партизанами, и с местным населением, и с евреями. Использовалась тактика выжженной земли. Многие селения нацисты уничтожали полностью. Лишь немногим удалось уцелеть и моей матери повезло, она оказалась среди них.

- Она смогла оттуда выбраться?

- Перед самой войной мама переехала в Витебск, работала на фабрике и вместе с ней была эвакуирована. Оказалась в Казани, потом в Ярославле. А ее родители оставшиеся в Белоруссии погибли. Братья ушли кто в ополчение, кто в армию, кто в партизанский отряд и тоже не вернулись с войны.

- Маму как звали?

- Роза Семеновна Гершанская.

- А чем занималась?

Вначале работала в колхозе, потом на швейной фабрике. В эвакуации она какое-то время была мастером на торфоразработках.

- Ваша мама была в эвакуации в Ярославле. Потом осела в Куйбышеве. Я вспоминаю свою собственную семейную историю. Когда моя мать оказалась в эвакуации в Воронежской области сложности были колоссальные, приходилось просто выживать. Позднее, в советское время об этом не принято было писать. Она вспоминала о том периоде своей жизни?

- Вы знаете, мать очень сдержанно рассказывала об этом и никогда каких-то негативных ноток у нее не звучало. Она работала в годы войны уполномоченной по найму рабочей силы на предприятии, потом была техником и одновременно переводчиком на торфяных разработках. Это был лагерь для военнопленных немцев в Ярославской области. И, кстати, много рассказывала о содержании там немцев.

* д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

** д.и.н., профессор, первый проректор, зав. кафедрой российской истории СамГУ.

- Оно было достаточно приличным по сравнению с положением наших военнопленных?

- По крайней мере, к ним относились по-человечески. В лагере существовало своего рода самоуправление. Немецкие офицеры не работали, сохранялась своеобразная субординация. Содержание пленных соответствовало нормам Международного «Красного креста». Единственное, мама рассказывала, что они были всегда голодны, кормили их плохо. Но ведь вся страна в это время недоедала. Военнопленные могли свободно выходить в деревню, что-то обменивать на продукты то, что сами делали или смогли сохранить. Отношение конвоиров к пленным было достаточно лояльным. До тех пока не произошел побег. Мама рассказывала об этом случае. Молодой солдат немец, который проникся к ней доверием, показывал ей медальон с фотографией своей невесты. Он очень ее любил и решил рискнуть, бежать на родину. Однако далеко не смог уйти. Где-то в полях, в стогу его нашли местные крестьяне. Беглеца привезли назад в лагерь. Начались строгости, усилили охрану, пленным запретили свободно выходить за ограду. Но, самое главное, что военнопленные сами уничтожили беглеца, поставив его под ледяной душ.... То есть его убили не наши солдаты, не наш конвой. Плен — это плохо, но это был не концлагерь.

- Хорошо. А из Ярославля она как попала в Самару? Ничего не говорила?

- Говорила, но очень скупно. Так вышло, что знакомые, которым удалось спастись, осели в Куйбышеве. После войны, она вышла замуж за одного из своих бывших односельчан. Вот отсюда и пошла фамилия Дубман. Отец с мамой поселились в Зубчаниновке, там, где уже жили с семьями два его брата. В этом небольшом рабочем поселке я и родился.

- Вы родились в пятидесятом. Время было исключительно тяжелое. Это и нехватка продовольствия, и талонная система, и экономическая нестабильность. Рождение ребенка в этих условиях — это своего рода подвиг.

- Да, тем более, что они были уже немолодыми людьми.

- А чем занимался ваш отец?

- Он был жестянщиком. На окраине Зубчаниновки была мастерская по изготовлению ширпотреба: кастрюль, баков, корыт. В послевоенное время всего этого страшно не хватало. Он умер в 1954 году. Через много лет я встречал людей, которые помнили о нем и очень хорошо отзывались. Видимо он был действительно хорошим человеком.

- Мастер!

- Да, мастер. До сих пор дома стоят баки из нержавеющей стали, которые он сделал.

- Вы жили в таком «романтическом поселке» — Зубчаниновка. Он действительно романтический. Почему? Потому что он находится на окраине города. Город, конечно, в начале пятидесятых годов, был совершенно другим. В Зубчаниновке мы видим с одной стороны городскую жизнь и сельскую. Там жило очень много людей, которые только что порвали с селом, которые не вписались, или плохо вписывались, в городскую жизнь. То есть это жизнь городского предместья. Как она выглядела?

- Большинство жителей Зубчаниновки работали на заводах. Через поселок проходила железная дорога, была железнодорожная станция, ходил ав-

тобус, и все это соединяло жителей, прежде всего, с номерными заводами, восемнадцатым, первым и другими так называемой Безымянки, еще одного предместья тогдашнего Куйбышева. Повседневная жизнь Зубчаниновки была далеко не той, которая предвиделась в начале XX века знаменитому инженеру Зубчанинову, пытавшемуся создать здесь что-то вроде коммуны, образцового поселения. И не той, которую в конце прошлого столетия называли цыганским предместьем, цыганским поселком. Это был рабочий поселок с огромным количеством садов. Мы жили очень скромно, но у меня было много друзей, приятелей. Это была наша молодость и нам было там хорошо.

- Среди них отец Георгий?

- Да, Евгений Шестун. Один из нас. Наш поселок не считался слишком благополучным; в те годы он был чем-то вроде Запанского. Если смотреть на ту жизнь с точки зрения сегодняшнего дня, может, где-то было и голодно, и существовали материальные проблемы, но нам было комфортно.

- Голодно, в каком плане? Я, допустим, вспоминая о своём детстве в сороковые, пятидесятые годы, помню постоянное ощущение голода, сосущего такого. Хотелось съесть всё, что попадает в поле зрения, особенно летом. Вишни, ягоды... А если попадалась пачка фруктового чая, то это было счастье. У вас такое было?

- Нет. Я родился почти на 10 лет позже. Вам пришлось пережить в детстве страшные военные годы и самое голодное и трудное послевоенное время. Тогда было намного тяжелее. В этом отношении 50-е годы были значительно легче. Конечно, и тогда было несладко. Я рос без отца, он умер, когда мне было 4 года. Но какого-то особого недоедания или голода я не чувствовал.

- В какой школе вы учились?

- В основном в 98-й.

- Школа до сих пор существует. О ней ходят легенды. Она считается школой, где очень сложный контингент учащихся.

- Сейчас это так. В мое время это была самая обычная школа. А до пятого класса у нас была маленькая деревянная начальная школа. Она находилась за два квартала от дома, на перекрестке улиц Дзержинского (сейчас Чекистов) и Первомайской, на которой я жил (сейчас она Краснопресненская). Всего несколько классных комнат, учительская, кабинет директора и большая веранда. А потом, начиная с пятого класса - я учился уже в 98-ой школе. Тогда в поселке не было цыганского населения, не было проблемы наркотиков. Кстати, из этой школы вышли многие известные люди. Там учили вполне нормально и преподаватели мне нравились. После 8-го класса я сначала поступил в техникум, потом совершенно свободно прошел по конкурсу в университет.

- Кстати, о техникуме. Наблюдая за вами долгие годы, я считаю, что вы человек склонный к гуманитарным наукам. Почему вы решили поступить на техническую специальность... по-моему литье металлов?

- Обработка цветных металлов и сплавов давлением. Я учился по всем предметам довольно ровно...

- А техникум какой?

- Авиационный, потом его переименовали в металлургический.

- Сейчас бы вы работали в сфере космической промышленности. А может быть руководителем крупного авиационного холдинга.

- Не уверен. Я уже говорил, что учился вполне нормально. У меня был только один страшный предмет, который я не понимал – химия. Это был для меня бич. А так математика хорошо шла, физика тоже. После восьмого класса нужно было как-то определяться. И мы с приятелем пошли поступать в авиационный техникум.

- Приятеля как зовут?

- Володя Барский. Я решил поступать на радиолокацию. Тогда это было престижно и интересно. Но не добрал один балл. В приемной комиссии мне предложили идти с набранными баллами на другую специальность.

- Давайте поговорим о технике. Вы там учились два года.

- Четыре. Учеба у меня шла легко. Закончил техникум с отличием. У нас были прекрасные преподаватели. Я учился с ребятами, с некоторыми из них до сих пор поддерживаю хорошие отношения. Проходил практику на заводе Металлург, где меня уговаривали остаться.

- Сейчас бы стали начальником цеха или главным технологом?

- Один из моих тогдашних приятелей дорос до замдиректора завода. Но у меня, как я сейчас понимаю, уже в техникуме начал складываться интерес к истории....

- Вы ведь могли вполне спокойно поступить в авиационный институт.

- Да. У меня было направление туда.

- У вас был диплом с отличием. Это означает что в авиационном институте, получая инженерную специальность, вы могли спокойно сдать и сопромат и всякие «начерталки» и так далее. Всё-таки резкий поворот к гуманитарной сфере и тем более к истории. Ведь работа историка не является престижной.

- Вы знаете, здесь сложно сказать. Во-первых, я всегда любил много читать. Библиотека в родном поселке была мною полностью прочитана.

- То есть вы её проглотили?

- Да, я её «проглотил». Я пытался покупать книги, хотя денег в семье конечно не было. Меня ругали за то, что я их покупаю. А во – вторых, у меня всё-таки была любовь к истории. Не к филологии или литературе, а именно к истории. Я плохо до сих пор пишу, не чувствую язык.

- Ну, что касается «плохо пишу», я всё это помню. Вы достаточно пластичный человек и сумели за эти годы как-то научиться писать. Это исключительно архитязжкий труд. Как научиться писать?

- Почти невозможно.

- Это невозможно? Почему? Потому что нужно обладать какими-то способностями. В этой ситуации не могу не сказать о том, что когда я слышу от многих людей, что они поступают на журналистику с тем, чтобы стать корреспондентом в какой-то газете или на телевидении, я всегда улыбаюсь. Почему? Потому что если Бог не дал, то никакой вуз не научит писать.

- Да. Вы правы.

- Или это достигается методом тренировок?

- Мне кажется, что тот уровень, грамотности и складности, которого я достиг – это конечно тренировки. Ни в коем случае не считаю себя челове-

ком, который владеет хорошим литературным языком, может писать книги, я имею в виду художественные, как пытаются многие мои знакомые. Это не моя стезя. Я этого не умею. У меня другой склад мышления. Но писать свои исторические книги и статьи, даже популярные, у меня получается. Единственно, что кто-то должен посмотреть, проверить стилистику. У меня жена, например, смотрит, то, что я написал.

- Вы могли поступать, допустим, в Саратовский или в Казанский университеты, в Московский.... Ведь открытие нового вуза (Куйбышевского государственного университета) весьма сложный процесс. Он открывается и ясно, что там нет преподавателей, нет технологий, нет пока тех специалистов, которые могут дать действительно университетское образование. У вас возникали эти вопросы?

- Практически нет. Всё-таки я жил в обычном рабочем поселке. Мой кругозор был невелик, а выбор весьма ограничен. Мне кажется, что для многих поступавших в наш университет, это было новое, неизведанное будущее. Мы его все-таки отличали от пединститута. Казалось, что это та обитель, куда приедут специалисты из Москвы, Ленинграда, Казани, Саратова и которая будет центром науки. Частично, на мой взгляд, это реализовалось.

- Если говорить о 50-ти студентах, которые поступили в 1969 году на специальность история. Судьба их сложилась достаточно хорошо?

- Не у всех. У нас много людей, которые просто не дожили до сегодняшнего дня.

- Но, тем не менее, среди выпускников есть доктора и кандидаты наук, и директора школ. Кто выделялся среди студентов первого выпуска?

- У нас на курсе был довольно специфический состав студентов. Много ребят пришло из армии. И конечно на первом – втором курсах им было трудно. Мы были в роли догоняющих. Получилась такая игра в догонялки.

- Но у тех, кто постарше был жизненный опыт.

- И он здорово помог впоследствии. Получилось так, что после института дела у отслуживших в армии пошли более успешно.

- Средняя школа отличается от вуза тем, что в институте нет такого жесткого контроля за успеваемостью. Здесь более либеральная ситуация. Вы пришли из техникума, как быстро вы вписались в вузовскую систему? Были ли какие-нибудь сложности? Как у вас всё это шло?

- Мне это далось легко. Видимо был эмоциональный подъем. Хотя появились чисто бытовые трудности. Что бы, например, добраться до университета надо было встать в шесть часов утра, а то и в половине шестого, идти минут 20 до железнодорожной станции, потом на электричке добираться 40-45 минут до главного вокзала, а затем потратить еще полчаса на поездку в трамвае. Дорога занимала часа два туда и два обратно. А после занятий мы каждый день сидели в областной библиотеке.

- Автобус еще не ходил?

- Нет. Никаких автобусов. Поэтому я уезжал рано утром и, как правило, приезжал домой часов в десять вечера. И конечно только поешь, что-то почитаешь к семинарам и спать. Никакой личной жизни.

- То есть жизнь была насыщенная? Это первые два курса. Или потом всё это как-то стабилизировалось?

- Эти сложности как-то не особо ощущались. Казалось, все должно быть именно так, как есть. Всё шло на эмоциональном подъеме. Мне нравилось учиться, мне нравились преподаватели, большая часть тех предметов, которые читались. Учился я в целом неплохо. За все пять лет у меня, кажется, была только одна четверка, на третьем курсе по иностранному языку.

- Как складывались отношения со студентами младших курсов?

- Совершенно нормально. Мы вместе работали в стройотрядах, где очень быстро налаживались доброжелательные отношения

- Когда в университете появились стройотряды?

- Первый стройотряд – сразу после первого курса. Союзтелефонстрой, так, кажется, называлась та организация, в которой мы работали. Мы вели кабель по Полевой. Долбили траншею, укладывали трубы, строили колодцы. Жили мы в общежитие нашего университета на четвертом этаже, в комнатах на 12-13 человек. Там были все. И историки, и математики, и физики, и филологи. Была такая хорошая компания, что я до сих пор вспоминаю об этом с удовольствием. Второй год – это первый выезд в Сибирь, поселок Стржежовой на севере Томской области. Потом я ездил со стройотрядом в Туву, в Кызыл. Все мои летние каникулы проходили в таких поездках. Нужно было зарабатывать на жизнь. А кроме того это было общее настроение того времени, по крайней мере у того круга людей, которые мне были симпатичны. Мы не только работали, но и видели новые места, ходили на охоту в тайгу, ловили рыбу в сибирских реках. У нас на курсе сложился группа студентов, которые постоянно работали в стройотрядах.

- Кто туда входил?

- Могу назвать Виктора Клевлина, Владимира Гаврилина, Юру Горшенина, Валеру Ивахника, Колю Богомолова и многих других. Была хорошая компания, где все умели и хотели работать. Руководили стройотрядами наши же товарищи Юра Квасов, Саша Рунт.

- Поговорим о выборе темы. Он был изначально связан с тем, что вас влекла не современная история, а скорее XVI-XVII век. Что предопределило этот выбор? Вы сами нащупали или доверились научному руководителю? У вас научный руководитель был Ефрем Игнатьевич Медведев?

- Нет. Ленар Васильевич Храмов. У меня с молодости была определенная, не то что боязнь, а нелюбовь к политизированности. Поэтому идти на кафедру КПСС и заниматься той историей, которая постоянно «передельвается», мне не хотелось. Это было на уровне инстинкта, видимо. Я хотел заниматься региональной историей, хотелось поработать в архивах с документами, найти что-то неизвестное другим. Тема была новая, никем ранее всерьез не изучавшаяся. И это было здорово.

- Ваша тема связана с рядом сложных моментов. Местные архивы содержат какие-то крохи. Литература по истории колонизации также была мало доступна в силу того, что концентрировалась в библиотеках Москвы и Питера. Поэтому заниматься этой проблемой оказалось весьма сложно. Вас это не пугало?

- Знаете, нет. Ну, во-первых, я еще тогда не осознавал всех сложностей, не думал об аспирантуре, о каких-то более углубленных занятиях историей. Ну а во-вторых, — поездки, например, в Москву или в Казань в то время были совсем другие, чем сейчас. Можно было на студенческую стипендию, тем более повышенную, доехать до Москвы и обратно, да еще прожить там неделю — две. Оставались еще деньги на музеи и театры. Основная проблема состояла в гостинице, где никогда не было мест. Останавливались, как правило, у знакомых, родственников.

- Для того, чтобы заняться темой по средневековой России, нужно было овладеть инструментарием, освоить довольно-таки большое количество методов, уметь читать источники XVI-XVII века. Без глубокого освоения палеографии — это невозможно. Как вы пытались освоить этот исследовательский инструментарий?

- Здесь и были главные трудности. Я до сих пор ощущаю пробелы в этой области, потому что среди преподавателей университета специалистов по русскому феодализму тогда не было. Нам читал историю средневековой России Ленар Васильевич Храмов. Он, несомненно, яркий, талантливый преподаватель, настоящий энциклопедист; но профессионально занимался совершенно другим периодом — XX веком. И все же мне немного повезло. Древнерусский язык нам преподавал А.А. Гребнев из пединститута. Он читал настолько классно и доходчиво, что именно на его лекциях мы почувствовали, что это такое — Древняя Русь. А так практически получалось, что все нужно было осваивать самому. Сначала я даже не представлял во что влез, всей сложности темы, а когда осознал, то оказалось, что значительную часть этих трудностей уже преодолел. Отступать было некуда.

- Хорошо. Итак, вы окончили университет и снова встал вопрос выбора пути. Как складывалась жизнь после окончания университета?

- Тоже не все так просто. Закончил университет, по нашей специальности был вторым в списке по успеваемости, однако в аспирантуру не попал. Меня отправили по распределению в Красный Яр. Три года я отработал в местной школе. Когда вернулся в Куйбышев, в родном университете нашлось свободное место в научно-исследовательской группе у археологов.

- Это был семьдесят восьмой год?

- Конец 1977-го года. Меня позвали работать к Галине Ивановне Матвеевой.

- Кто так настойчиво звал?

- Мой очень хороший приятель Риза Багаутдинов.

- Он закончил тогда аспирантуру?

- Нет. В аспирантуру он поступил позднее, по моему, в 1980 году. Получилось так, что я попал в дружную компанию археологов. Это была, так называемая, НИГ-7, научно-исследовательская группа, из которой вышло большинство самарских археологов. И там я сделал «совершенно замечательную карьеру».

- Стал заместителем начальника?

- Стал начальником экспедиции, начальником группы, проводил разведки, писал отчеты, получал открытые листы...

- *Договора заключал?*

- Да, и договора заключал. Всё было....

- *А как потом складывалось?*

- Работая с археологами, я продолжал заниматься средневековьем. Галина Ивановна предлагала мне тему на стыке археологии и истории, специализироваться у Владимира Антоновича Оборина, был такой специалист в Перми. Но в археологии мне нравились экспедиционная жизнь, постоянные разъезды, новые впечатления, люди. Но вот держать в руках черепки и заниматься этим — это было не моё. А потом получилось так, что заведующий нашей кафедрой Ефрем Игнатьевич Медведев пригласил меня к себе в аспирантуру. Это был, кажется, восьмидесятый год. Я продолжил заниматься темой освоения средневекового Среднего Поволжья, над чем работал еще в годы учебы, но уже более целенаправленно. Научная работа меня захватила, все свободное время я проводил в московских и питерских архивах, библиотеках. Через несколько лет у меня в основном всё было написано. Потом Ефрем Игнатьевич умирает. Я остался без руководителя. И тут нашелся один человек, который подошел ко мне, посмотрел пристально и изучающее и сказал: - «Ты когда что-нибудь напишешь?». Я говорю: - «Да я пишу!», а он мне: - «Нет. Одно дело — пишешь, а нужен какой-то серьезный результат». Отчетливо помню конец нашего разговора и его слова: - «Если ты дашь мне слово, что через год у тебя будет готова диссертация, я тебя возьму к себе в аспирантуру». Этот человек сейчас сидит напротив меня - Петр Серафимович Кабытов.

- *Возвратимся к студенческой повседневности. Были ли какие-то вечера, где можно было встретиться, пообщаться, выпить пива, просто прогуляться по улицам. Бродвей может какой-то был студенческий.*

- Та студенческая наша жизнь немного отличалась от современной. Многие из студентов были взрослые люди и поступили в университет, когда им было уже за двадцать лет. И поэтому мы летом, как правило, работали.

- *Ну, а в обычное время?*

- А когда учились — конечно. Всё было так, как это принято в студенческой среде, и собирались вместе, и бывало, выпивали.

- *Ну как всё это все же происходило? А конкретнее можно?*

- Ну как это всё было... Вот маленький пример. Последние два года учебы в университете я жил на съемной квартире. Для того, чтобы написать диплом мы с Юрой Горшениным, моим очень близким товарищем, снимали квартиру. Я до сих пор вспоминаю, что у нас бывали времена, когда нам было совершенно нечего есть. Ни денег, совершенно пусто в холодильнике. И вот зима, вечер, сидим голодные. еды никакой. А у нас рядышком бабушка жила, которой мы иногда помогали. Мы у нее выпросили бутылку самогонки, обзвонили своих знакомых ребят, девушек и пригласили на вечеринку, с условием, что каждый должен принести какие-нибудь продукты, а выпивка у нас есть. Девушки притащили торт, ребята — еду и всё прочее. Погуляли совершенно замечательно Да, еще на следующий день осталось что-то из продуктов. Была беззаботная студенческая жизнь, но более сдержанная конечно, чем сейчас.

- *А вы, глядя из сегодняшних времен, остались довольны качеством преподавания, как вас учили?*

- В целом да. Преподавательский состав нового университета складывался, на мой взгляд довольно удачно. Можно было создать новый университет на базе пединститута, так делалось в ряде городов. Но, это был бы не самый удачный вариант. А так к нам пришли наиболее интересные преподаватели из пединститута, несколько молодых специалистов приехали из Казанского и Саратовского университетов. На истфаке появились преподаватели, окончившие Московский и Ленинградский университеты. Они представляли разные школы, ведущие вузы страны; что явилось особенно важным для становления исторического факультета. Конечно, по отдельным предметам были лакуны. Порой получалось, что преподаватели вынуждены были читать лекции по тем предметам, где они не являлись специалистами. Например Галине Ивановне Матвеевой, которую я очень люблю и уважаю, приходилось кроме родной археологии читать историю древнего мира и этнографию. Но главное состояло в том, что нам привили вкус к исследовательской работе, какому-то трепетному отношению к источнику. Я не помню, что бы к нам приезжали светила из других городов - из Москвы или из Питера. Но у преподавателей, которые с нами работали в новом вузе, был творческий и эмоциональный подъем, передававшийся и нам.

- Давайте всё-таки обратимся к ситуации второй половины 1980-ых годов. Это время, когда подул свежий ветер, что-то изменилось с течением времени, потоком истории. Как это повлияло на вашу жизнь, профессиональную деятельность?

- Вы знаете, начало правления Горбачева можем назвать счастливым временем. Как стало свободнее дышать, новые горизонты открылись. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. в бытовом плане, конечно, были очень тяжелыми. К этому времени я защитился, стал работать на кафедре российской истории. Там сложился очень сильный творческий коллектив.

- В эпоху 1990 годов наблюдалось парадоксальное явление. С одной стороны, казалось бы, история как специальность и как наука, оказалась на обочине. Зато мы видим, что интерес студентов к истории, особенно к дореволюционной, резко возрос. Каковы ваши ощущения в связи с этим?

- Довольно сложные. С одной стороны, конечно, всё ломалось, и многое очень тяжело ударило по нам, простым людям. А с другой стороны всё равно был подъем, появились новые перспективы. Очень хорошо работала наша кафедра. Возникали новые проекты, рождались оригинальные идеи, выходили книги, которые были многим интересны. И потом это было время, когда на истфак шли хорошие студенты. Это были великолепные годы с точки зрения «обучаемых» студентов. В последнее же годы многое изменилось. Стремление все реформировать и бюрократизировать приводит, как мне кажется, к негативным результатам. В какой-то степени, стал утрачиваться смысл работы. А это совсем плохо. Потому что, с точки зрения мироощущения, понимания своей нужности, полезности для общества, творческая работа ведь очень многое значит и компенсирует.

- Спасибо. Успехов вам и новых книг.